

ЮРИЙ КАЗАКОВ

СКРИП - СКРИП

ИЗДАТЕЛЬСТВО · МАЛЫШ · 1987

ЮРИЙ КАЗАКОВ

СКРИП-СКРИП

Рисунки Н. Устинова

Издательство «Малыш» · Москва · 1987

СКРИП-СКРИП

Дело было осенью, и загорелось однажды осенью северное сияние. Стоял возле тони старый чёрный крест, ещё дедами был поставлен. Раньше на него молились, перед тем как в море выходить. А теперь покосился, надломился и весь ножами изрезан. Идёт мимо мальчишка, увидит крест и сейчас же на нём своё имя вырежет: «Толя», там, или «Миша».

Так вот, сидели мы с рыбаками вокруг печки, ухи ждали. Глянул я в окно, смотрю—крест розовый стал. «Что такое?—думаю.—Ночь, темнота, а крест загорелся!» И вышел вон из избы. А как вышел, так и закричал:

— Выходите все, глядите, что делается!

Вышли все на берег моря, головы подняли и смотрим в небо. А небо над нами, как цветной шатёр. Над самой головой чёрная дыра, кажется, а от неё во все стороны—и к западу, и к югу, и к северу, и к востоку—розовые лучи расходятся. Северное сияние!

Луна стала тусклой, окружилась янтарными кольцами. Звёзды пропали, только самые крупные красным огнём горят, как огни на мачтах. А небо по розовому вдруг то жёлтым, то зелёным подёргивается.

— К холоду это,— сказали рыбаки.— К непогоде!

Постояли мы ещё, посмотрели на диво и опять в избу пошли. А в избе похлебали ухи, поговорили, покурили и спать легли кто где. Кто внизу, а кто на нары забрался.

Трудно рыбакам осенью. Чуть свет надо в море выезжать, ловушки на сёмгу ставить. Потом целый день в карбасах на волне качаться, стеречь возле ловушки, чтобы рыбу не прозевать. А вечером опять снимать ловушки.

Раз в день бежит вдоль берега колхозная мотодора, поплёвывает дымком, выловленную сёмгу по

тоням собирает, новости развозит, газеты, да письма, да хлеб.

Вот покачаешься целый день на море, повозишься с сёмгой да с сетями, руки-ноги заколенеют, так потом от усталости хорошо спится. И в эту ночь крепко все спали, а утром проснулись от грохота: пал на море шторм.

Вышли мы из дому, посмотрели на море. Ветер чуть с ног не валит. Грязные лохматые взводни ходуном ходят, даже видно, как на горизонте дыбом поднимаются. Кинулись мы скорей к карбасам, оттащили подальше от воды, чтобы в море не унесло, и грустно собрались опять в избе.

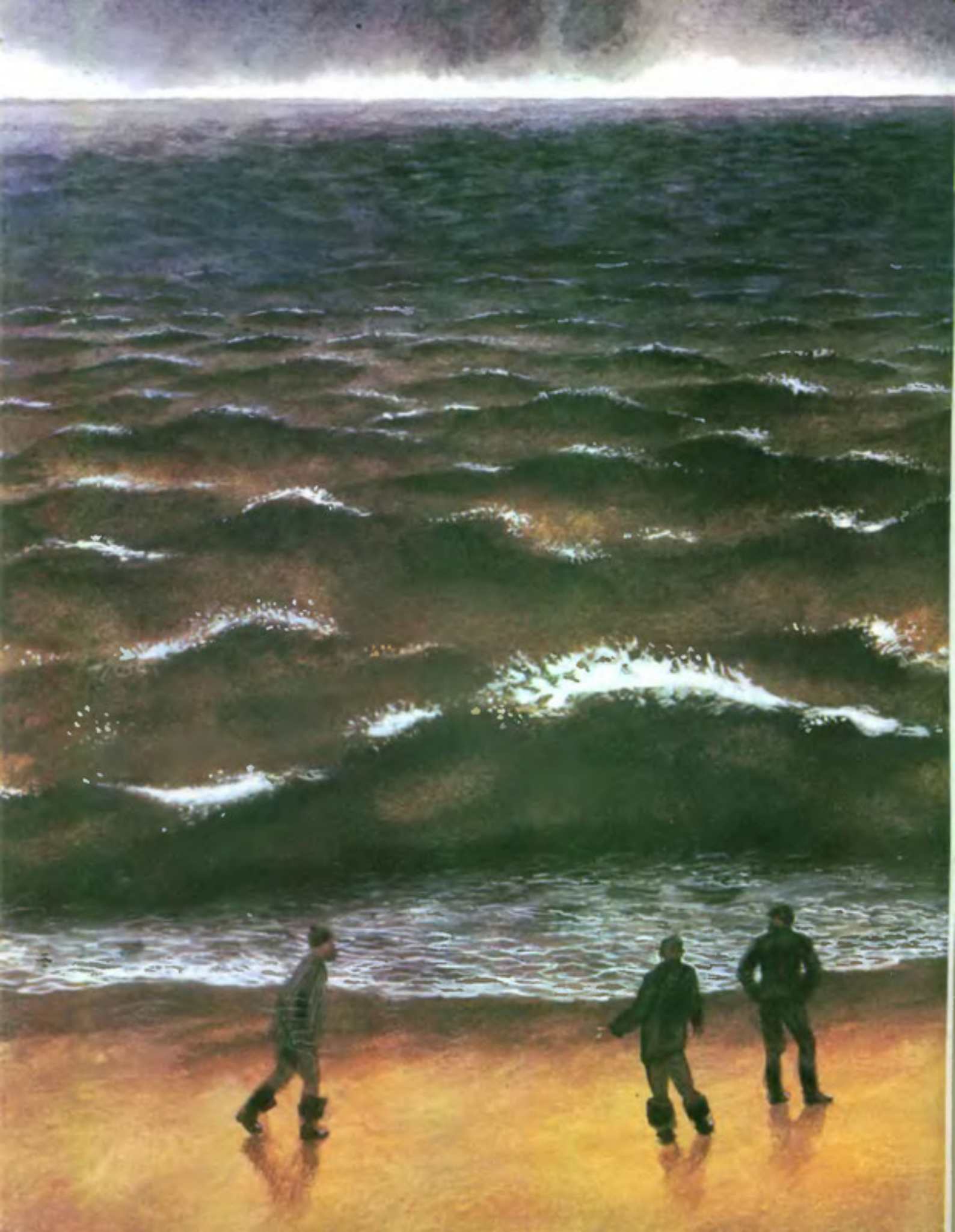
Что станешь делать! В шторм к ловушкам выезжать нельзя, карбасы зальёт, потонешь. Да и сети порвёт, если удастся поставить,—хочешь не хочешь, надо ждать.

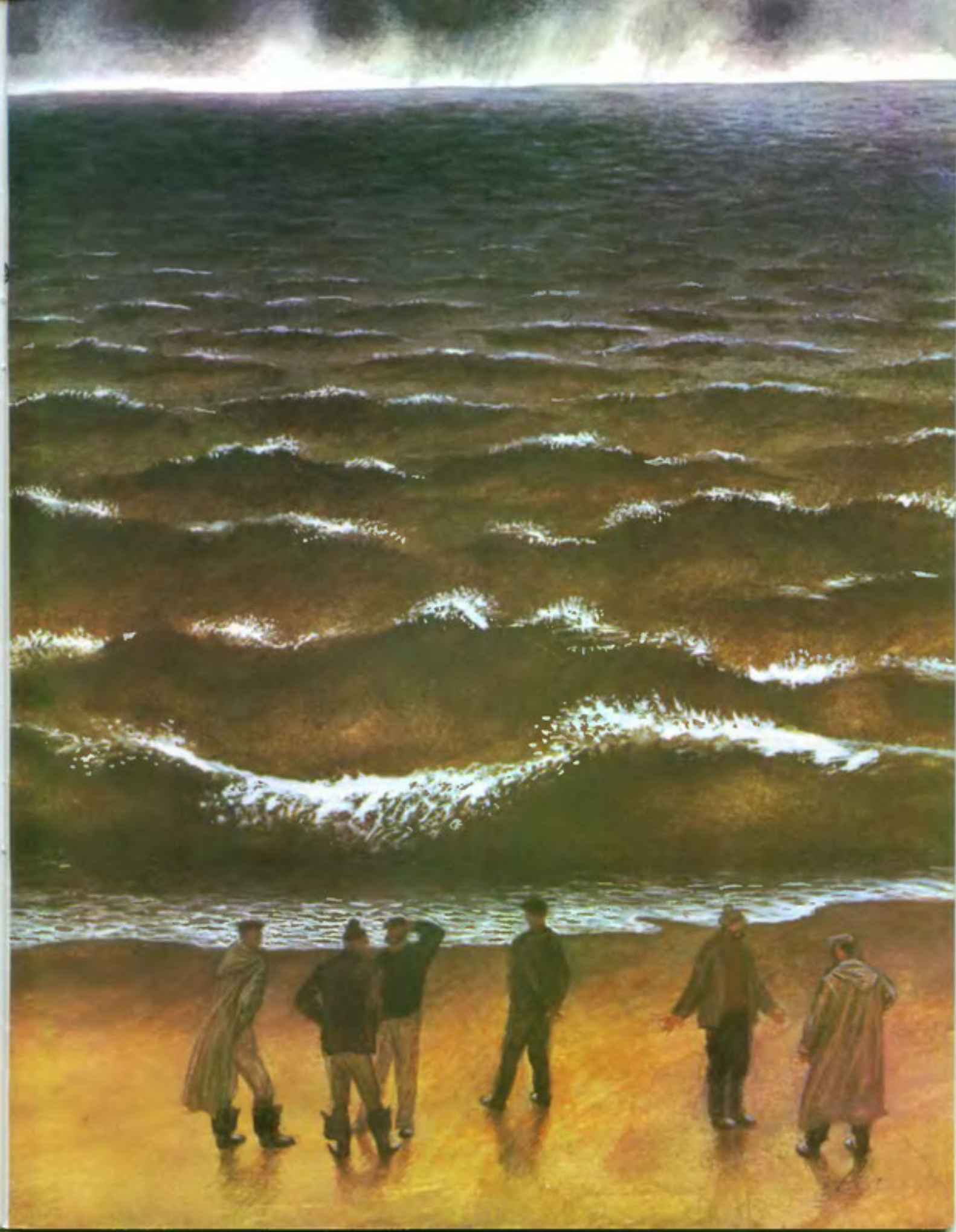
Ждём день, ждём другой. Вот уж и третий настает, а конца шторму не видно. На Белом море по неделям осенью штормит.

Как ни выйдешь на берег, всё одна картина: на песке кучи пены, ветер отрывает комки от куч, катит по песку... Вода в море мутная, всё так же бросается на берег, и северный ветер свистит не умолкая.

Прождали мы ещё день, и вышел у нас хлеб. Совсем заскучали рыбаки без хлеба. И решил я, как самый молодой, идти за хлебом пешком по берегу. Нам уже как-то не верилось, что шторм когда-нибудь кончится и привезет мотодорка хлеба.

До колхоза в одну сторону идти было сорок километров. А до маяка, в другую,—тридцать. На маяке сами хлеб выпекали, и я решил идти на маяк,

всё-таки поближе. Взял пестерь плетёный, сапоги обул, плащ надел, шапку зимнюю, ружьё взял и пошёл. Вышел со мной за порог бригадир — он лучше всех места знал, — вышел и показывает:

— Видишь угорье? Так направо угорья не ходи. Иди сперва берегом, а потом камни будут, неспособно идти, ты и сверни в лес, а там болотом, да опять лесом, да в гору. А подымешься, тут тебе назад море будет видать, а вперёд да вниз — озеро. Место красиво, по бокам-то угорье, а в серёдке внизу озеро. Озеро пройдёшь, на другое угорье влезешь, а там и маяк увидишь. Понял? Ступай!

Я и пошёл. Прошёл, как велено было, берегом, а когда камни начались, свернул в лес. Только в лес свернул, на ручей наткнулся. Хотел повыше перейти, пошёл влево по ручью — болото! Чавкал, чавкал сапогами, в такое бучило залез, что и ходу никуда нет.

Пришлось возвращаться назад, к берегу. В лесу-то тихо было, душа отдыхала. А к морю вышел — опять рёв, шум, свист! «Что ж делать? — думаю. — Пойду берегом. Хоть и дальше, да вернее».

Небо было мутно и серо, отдельных облаков даже не различишь, всё монотонно, и свирепый ветер лицо сечёт, гонит по берегу мокрый песок. Лес на глазах начал желтеть, а земля — краснеть.

Росла там какая-то трава лепесточками и была багровая. Иду берегом, море справа, лес слева. Я всё на лес поглядываю — на море-то смотреть скучно. А в лесу всё разное! Беловатый мох ягель, тёмно-зелёные лакированные листики брусники, красные пятна травы лепесточками, светло-зелёные островки стелющегося можжевельника. Это внизу. А сверху

берёзы золотятся да рябина горит красным бархатным цветом.

А то вдруг подступят скалы к самому морю, стоят тёмной стеной, и если тут лечь, то головой в стену упрёшься, а ноги в воде будут—так узко. По таким местам я бегом мчался, но всё равно волной меня захлёстывало, и скоро я так промок, что уж и не спасался.

Переночевал я на маяке, обсушился, а на другое утро нагрузил пестерь свежим хлебом—шесть буханок взял—и тронулся в обратный путь. Вместе со

мной пошёл Коля, сын смотрителя маяка. В колхоз к дяде шёл. Маленький такой, лет восемь ему, а идёт смело и ничего не боится.

— Как же ты,—спрашиваю,—в такую даль идёшь? Ведь не дойдёшь, устанешь!

— А чего!—говорит.—Я уж не в первый раз. На тонях ночевать буду, у рыбаков.

Потом на море посмотрел, подумал и говорит:

— Чего нам берегом идти, в море мокнуть? Пошли горами, тут тропка есть, я знаю.

И пошли мы горами. Целый день шли в тишине, из ущелья в ущелье, вздымались и пропадали, слушали, как рябчики свистят, и так хорошо было, что даже стрелять не хотелось. А вечером вышли ущельем к морю, к старой, заброшенной избушке.

Никто в ней давно не жил. Мы отомкнули её и вошли. Внутри было холодно, и на потолке сажа в два пальца толщины, хлопьями, лохматая. Разыскали мы воду, чайник, развели возле избушки костёр из щепок и решили ещё печь протопить, чтобы не холодно было спать.

Топилась избушка по-чёрному, без трубы, и, когда печь затопили, сразу стало дымно. Дым плавал под потолком и лениво выползал в отдушину. Внизу был чистый воздух, вверху—плотный сизо-зелёный дым.

Хорошо было Коле, он маленький, а мне, если выпрямиться, дым по грудь доходил, и приходилось ходить и сидеть скорчившись. Печь горела плохо, вяло, без оживления, и в избушке ничуть не тепло. А внизу по-прежнему бушевало море.

— С этой печкой три охапки дров надо спалить, чтоб тепло стало,—говорит Коля.

— Ну что ж, и три охапки спалим,—говорю и ещё дрова подкладываю.—Зато как спать-то будем!

Печь всё-таки стала нагреваться, дрова разгорелись, дым полегчал, а мы чай пить сели. Сидим, пьём, говорим о разных разностях, море слушаем, как оно в берег бьёт. Оно внизу гремит, а нам тепло, лампочка керосиновая маленькая горит, на столе кружки с чаем, сахар да хлеб—хорошо!

Скоро в печке уже угли догорали, и она нам казалась сквозь дым пещерой гномов, озарённой горнами. Скоро дым совсем вытянуло, встал я, за-

крыл наверху отдушину, заложил палкой дверь, поставил у изголовья заряженное ружьё, и легли мы с Колей спать, укрывшись моим плащом, годным на все случаи.

Заснули мы часов в девять, а в два часа ночи я проснулся от какого-то странного ощущения. Сначала я не мог понять, что меня так поразило и почему я проснулся. А потом слышу вдруг—тихо кругом! Ни звука нигде, только внизу волна по гальке: буль-буль! скрип-скрип!

В избе темно и тепло, сильно пахнет хлебом, окошки чуть светлеют на две стороны. И Коля тихо дышит, посапывает. Потом и он проснулся вдруг и сел.

— О!—говорит.—Как тихо! Сколько дней гремело, а тут тихо...

— Может,—говорю,—чаю попью?

— Давай!—говорит Коля.—И свету не станем зажигать.

— Ладно,—говорю.—На окошки глядеть будем.

Пошёл я к печке, заслонку отодвинул—в печке у нас чайник стоял,—пахнуло на меня сухим теплом. Вытащил я чайник, а он горячий.

Сели мы с Колей на лавку, пьём чай, смотрим на окошки, молчим... А снаружи всё: скрип-скрип! буль-буль!

— Слышишь,—спрашиваю тихо,—как волна по гальке скрипит?

— Ага!

Опять помолчали, и тут Коля вдруг кружку на стол поставил и говорит шёпотом:

— Ой! Это и не волна вовсе... Это кто-то ходит снаружи!

Прислушался я—верно, ходит кто-то, и по звуку похоже на волну: скрип-скрип!

— Человек?—спрашивает Коля.

— Откуда тут человек!

— Так кто же?—и даже дышать перестал.

Выглянул я в окошко, потихоньку так,—по лавке подвинулся и выглянул. И Коля ко мне прижался, щека к щеке, тоже в окошко смотрит, и оба еле дышим, обоих дрожь начинает пробирать.

Только мы выглянули, сразу увидели море. Не было оно тёмным, как обычно ночью, а туманно-светлым. Это наверху северное сияние опять горело,—за облаками сияния не было видно, но свет его всё-таки освещал море. И на горизонте, как иголкой проколоты, два огонька горят, зелёный и белый.

— Пароход!—дышит Коля.

— Лесовоз, наверное,—шепчу.

— Или траулер,—догадывается Коля.

— А может, шхуна?

— Норвежская?—предполагает Коля.

— Или аргентинская,—думаю я.

— Ой!—дышит Коля.—Гляди! Вон встаёт...

И как дыхнёт от страха, так сразу всё стекло запотело. Протёр я тихо стекло, гляжу—большое тёмное пятно рядом с избушкой. То двинется, то остановится. И когда двинется, то еле слышно: скрип-скрип...

Медведь!

Отодвинулись мы от окошка, как обожглись, сидим в темноте и что делать, не знаем. Слышим, медведь к двери подошёл. Подошёл, стоит, молчит, посапывает—нюхает, наверное. Потом лапой корябнул по двери, но тихо, осторожно. Постоял, поду-

мал, подошёл к окошку и сразу его затемнил. От первого окошка отошёл, подошёл к другому и то затемнил.

— Дядь!—шепчет Коля.— А ружьё-то!

Встал я на цыпочках, подошёл к нарам, взял ружьё, взвёл курок, да одумался. Ружьё дробью заряжено, на рябчика. Чего уж тут!

Медведь услышал движение, заворчал и сразу освободил окошко, исчез. Но от избушки не ушёл, а всё ходит около и всё поскрипывает.

— Чего это он?—спрашивает Коля.

— Хлеб,—говорю,—хлебом из избушки вкусно пахнет, вот он и ходит...

— А давай ему хлеба дадим!—предлагает Коля.

— Как?—спрашиваю.—Как же ты ему дашь?

— А вы окошко откроете, а я кину ему буханку.

Подумал я: почему бы и не дать? Хлеба не жалко, море успокоилось, мотодоры завтра поедут по тоням, привезут и хлеба, и всего...

— Давай!—говорю.

Взял Коля буханку, а медведь услышал, как я с окном возжусь, заворчал на всякий случай и в сторону подался. Стукнул я рамой, и выбросил Коля буханку. Медведь подкрался, хрюкнул, схватил—и бегом прочь.

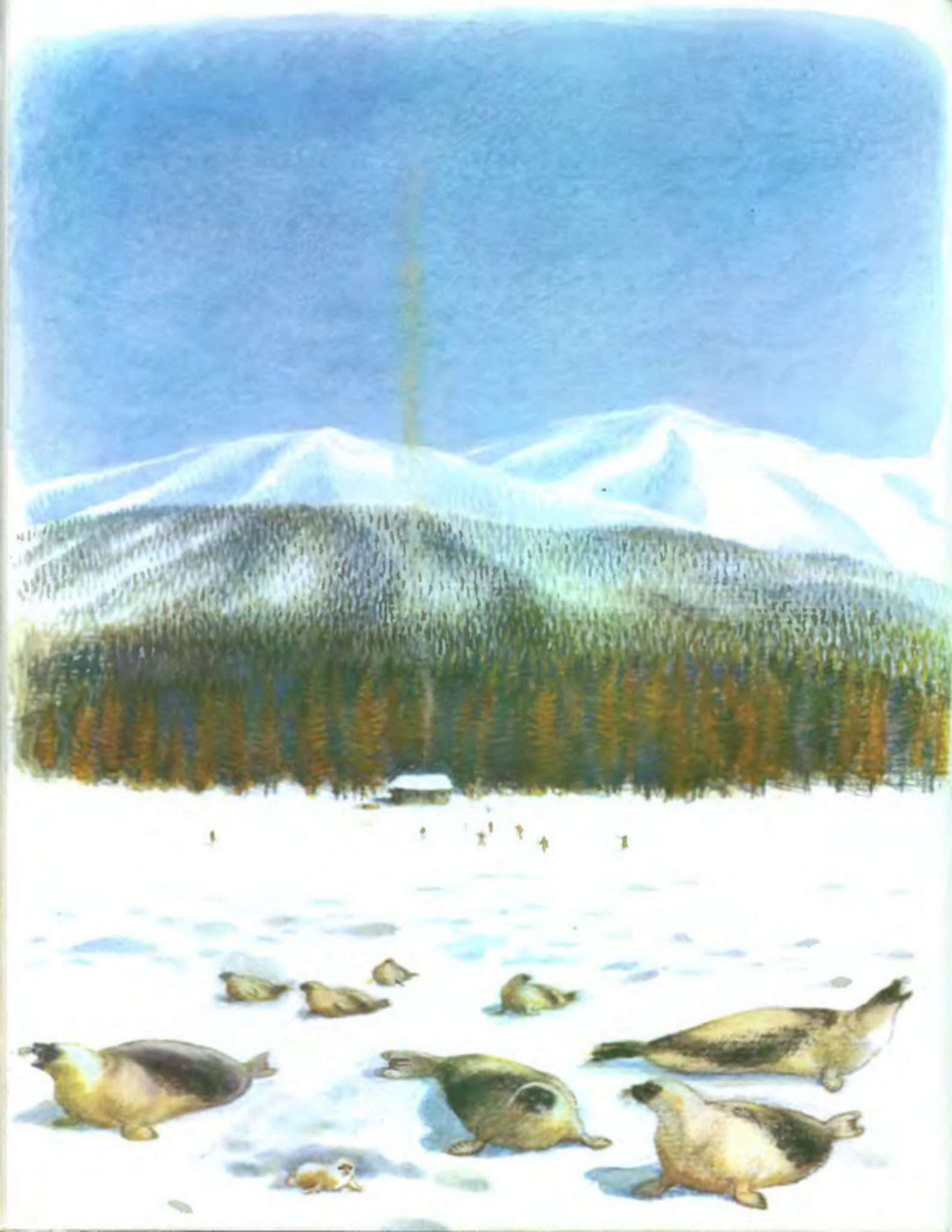
Минут через пять вернулся и уже прямо к окошку подошёл, стоит и поскуливает, ждёт.

— Ой-ой!—говорит Коля.—Какой умный! Давай ещё кинем!

— Кидать так кидать!—говорю.

И ещё кинули. Медведь даже на лету поймал—и прочь. Но тут мы всё-таки устали, и сморило нас в сон. Может, медведь снова приходил, но мы не слышали, спали крепко.

НА ЕЛОВОМ РУЧЬЕ

В феврале на севере, на Белом море, начинается зверобойный промысел. Его поморы называют ещё зверобойкой.

Из Архангельска в море выходят ледоколы. На мачтах, на особых удобных площадках, сидят люди с биноклями, осматривают льдины, и как заметят на льдине чёрные пятнышки тюленей, так ледокол останавливается, зверобои сходят на лёд и начинают охотиться на тюленей.

Но не только с ледоколов охотятся на тюленей, а и с берега. В самых глухих местах стоят на берегу зверобойные избушки, в горах, в лесистых ущельях, возле ручьёв. Летом избушки эти пусты, никто в них не живёт. А с начала февраля поселяются там зверобои бригадами и ждут появления тюленей.

Одна такая маленькая избушка стояла на Еловом ручье, и вот какой однажды случай вышел. Встали как-то утром зверобои, включили радио, затопили печку, стали греть чай. Посмотрел один из них в окошко и закричал:

— Ребята, тюлени!

Выскочили зверобой из избушки, кто в чём был, с винтовками, глядят — на льду, недалеко от берега, целое стадо тюленей. Поднялась тут частая стрельба, все торопятся: тюлень — зверь чуткий, пугливый, после первых же выстрелов спешит уйти в воду. И хоть законом строго запрещено убивать самок тюленей, у которых маленькие детёныши есть, но в спешке бывали случаи, что и убивали.

Так и на этот раз... Подстрелил кто-то второпях мать, а с ней был маленький тюленёнок, дня два только как родился.

Прибежали тут зверобой на лёд, стали убитых тюленей к берегу тащить. Мать тюленёнка тоже потащили вместе с другими в амбар, где тюленей разделывают. А тюленёнок остался один на льду, заплакал и пополз за матерью. Дрожит, нюхает её след, лапами перебирает, хвостом себе помогает и ползёт быстро, как только может.

Зверобоев трое было — два пожилых, а один молодой парень, глупый ещё, насмешник. Увидел он тюленёнка, засмеялся и прицелился в него из винтовки, убить хотел тоже. У него ещё патрон в стволе остался, и очень выстрелить хотелось. Но старый зверобой дядя Зосим не позволил, ударил парня по руке.

— Чего ты, дурак, делаешь! — сказал он и сморщился. — Это же дитё махонькое...

Стоят зверобой на морозе и уж поостыли немного от горячки, уж замёрзли, в избу хочется — в избе тепло, чай на печке кипит, — а уйти всё не решаются. И тюленёнок перед ними лежит на снегу, шевелится, смотрит на них, как человек, как ребёнок.

Крохотным он был и жёлтого цвета. Всё в нём было маленькое: головка точёная, тельце, шейка... Но удивительней всего были его глаза. Таких больших чёрных глаз нет ни у кого больше. И такая тоска была в этих глазах, такое горе, такие крупные слёзы катились по мордочке, что невозможно было на него смотреть.

Поморы люди суровые. Всю жизнь тюленей бьют, а летом рыбу ловят: сёмгу, треску, селёдку. В тихую погоду и в штормы одинаково по морю ходят на маленьких мотоботах, сами не раз в глаза смерть видали. Всякого насмотрелся каждый за свою жизнь. А тут вдруг всем им, и даже парню-насмешнику, тяжело как-то, неловко на сердце стало.

— Что ж с им делать?— в раздумье сказал дядя Зосим.

— Возьмём в избу, пущай погреемся,— решил дядя Перфилий, тоже старик.

А парень-насмешник ничего не сказал, только заморгал и стал в сторону смотреть. Нагнулся дядя Перфилий, взял тюленёнка на руки и пошёл скорей домой.

Как ни жалели зверобой тюленёнка, а пришлось бы неминуемо погибнуть ему без матери. Некогда было зверобоям заниматься с ним, надо было дело делать. Но на другой день с утра прибежал на лыжах к дяде Зосиму внук Вася, сахару принёс, табак, ватрушек свежих, молока...

— Ой, кто это?!—закричал он, увидев тюленёнка.

А тюленёнок за ночь будто похудел, будто ещё меньше стал, только глаза по-прежнему огромные и горькие такие, заплаканные.

— Да вот матку вчера убили, так дитё ейное осталось—тюленёнок,—сказал дядя Зосим.—Всю ночь ревел, сам не спал и нам не давал.

— А что вы с ним делать будете?—спросил Вася.

— А что с им делать?—вдохнули разом зверобой.

— Дайте нам в школу, у нас живой уголок,—загорелся вдруг Вася.

— А возьми,—обрадовался дядя Зосим.

И все зверобой обрадовались, заулыбались.

— Пущай ребятишки ухаживают. Это им для науки,—сказал дядя Перфилий.

— Только вы ему ванную сделайте, а то подохнет без воды,—захохотал парень-насмешник.

— Сделаем, всё сделаем...—бормочет Вася, а сам уже одевается в обратную дорогу.

— Да ты хоть чайку попей!—уговаривает его дядя Зосим.

Но Вася и слышать про чай не хочет. Ещё бы, радость какая—живого тюленёнка в школу принесёт!

Надел Вася лыжи, тюленёнка в мешок положил и побежал домой. Тюленёнок за спиной у Васи пла-

чет, стонет, а Вася только ходу прибавляет — единым духом в деревню примчался, к школе.

У ребят в школе в живом уголке синицы жили, рыбы речные и морские в аквариумах — камбала плоская, с одной стороны белая, с другой коричневая, тупоносая навага, пятнистая кумжа и даже морские оранжевые звёзды. Жили ещё два ёжика, заяц, который зимой сам в школу забежал, а тут прибавился тюленёнок.

Обрадовались ребята, захлопотали, выпросили для него большую деревянную кадку, в каких летом сёмгу засаливают, — вёдер тридцать воды в неё входит.

Натаскают ребята воды, тюленёнка пустят, плавает он там, плещется, фыркает. А устанет — вылезет, обчистится, обсушится, на половичок ляжет и посматривает кругом. Глаза у него ничуть не уменьшились, всё такие

же кроткие, умные, как человеческие, только взгляд веселей стал.

Кормили его сперва молоком, а потом, когда подрос, стали рыбу давать. Чуть не целыми классами на рыбную ловлю отправлялись, ловили со льда навагу и кормили тюленёнка. Ко всем он относился хорошо, доверчиво, никого не дичился, но из всех особенно отличал одного Васю и, когда видел его, начинал от радости головкой помахивать.

А когда наступила весна и сошёл лёд, поднялся в школе большой спор. Одни предлагали тюленёнка в зоопарк отправить, другие хотели его выпустить на волю. Спорили, спорили и решили всё-таки выпустить тюленёнка в море.

В тот день все в деревне знали, что тюленёнка в море выпускать будут, и когда понесли его ребята на берег, то и взрослые рыбаки туда же пришли.

Пришли дядя Зосим с дядей Перфилием и даже парень-насмешник пришёл, тот самый, кто тогда зимой хотел тюленёнка застрелить. Весело было очень, на праздник похоже.

Пустили тюленёнка на берег к самой воде, а он ничего не понимает, забыл всё. Облило его раз волной, другой раз обдало, вдруг он понял что-то, ластами, хвостом зашлёпал — и в воду.

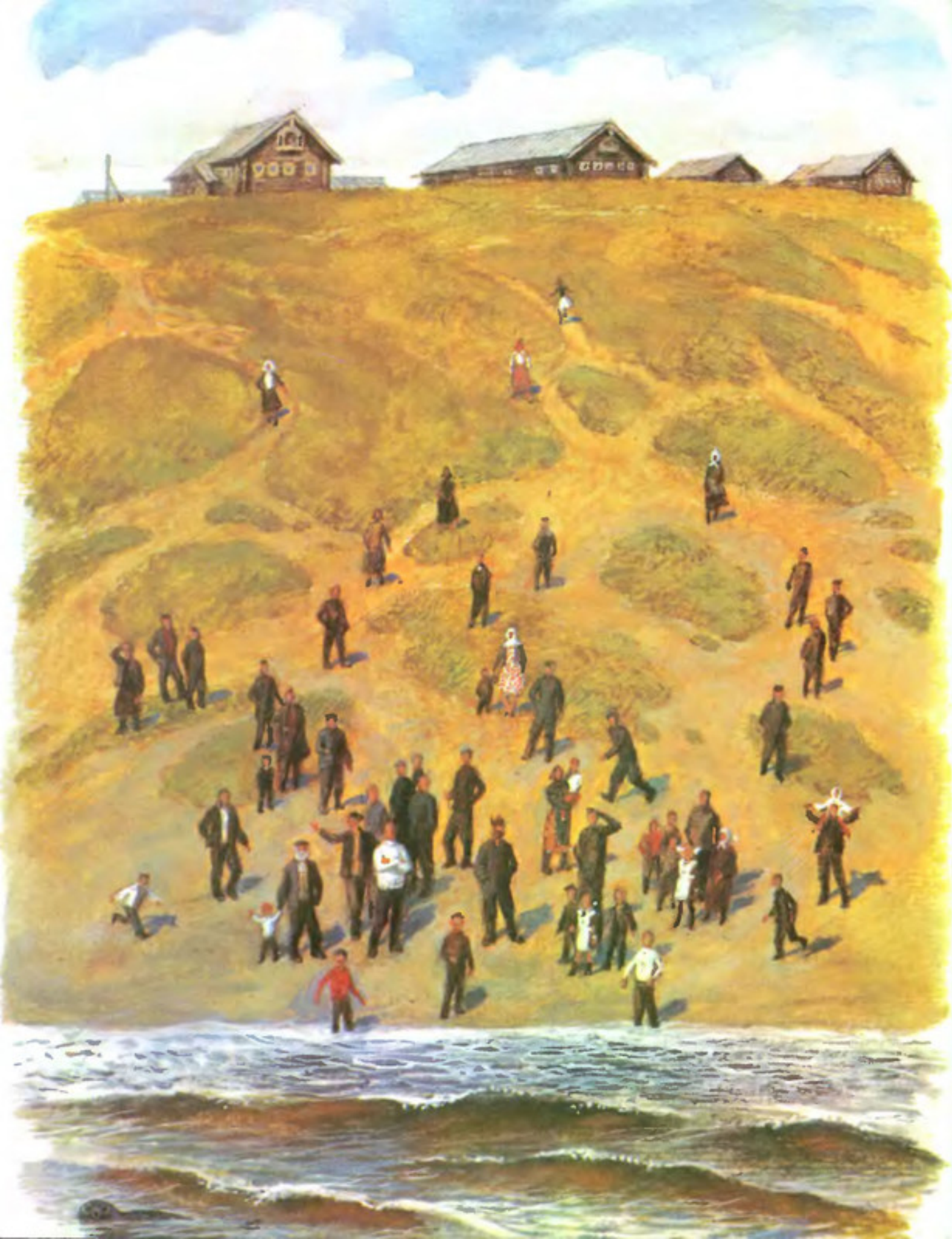
Сначала на мелком месте его раза два перевернуло волнами. На берегу все засмеялись, руками захлопали, ногами затопали, закричали даже, как, бывает, на зайца кричат:

— Держи, держи его!

Только ребята стояли молча, притихшие. Жалко им было тюленёнка, привыкли к нему, а Вася так тот чуть не плакал.

Тюленёнок выбрался на глубокое место, скоро справился и нырнул. Показался снова он уже далеко — чёрной точкой. Долго эта точка на одном месте

покачивалась, и всем казалось, что тюленёнок на берег смотрит, прощается. И хоть не видели уже, но каждый воображал себе большие его тёмные глаза. Наконец опять нырнул тюленёнок, и больше уж его не видели.

А зверобой закурили все вместе, задымили и тут же решили на будущее, что если опять случится грех — убьют нечаянно матку, — так детёныша ребятам в школу отдавать, а весной всей деревней выпускать на волю.

СОДЕРЖАНИЕ

СКРИП-СКРИП 3

НА ЕЛОВОМ РУЧЬЕ . . .19

20 коп.

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Юрий Павлович Казаков

СКРИП-СКРИП

Художник Н. Устинов

Редактор И. Курочкина. Художественный редактор Д. Пылакина.
Технический редактор Н. Жиганова. Корректор С. Бланкштейн.

ИБ № 2064

Сдано в набор 25.02.86. Подписано в печать 15.12.86. 84×108/32. Бум. офс. № 1.
Гарнитура «Бякига». Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,9. Усл. кр.-отт. 13,3. Уч.-изд. л. 2,39.
Тираж 300 000 экз. Изд. № 1537. Заказ № 893. Цена 20 коп. Издательство «Малыш»
121352, Москва, Давыдовская ул., 5. Калининский район. Трудового Красного Зна-
мени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР. Рославльполиграф-
прим. Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

К 4803010102-108
M102 (03)-87 43-87

© Издательство «Малыш» 1984

© «Малыш» Издательство «Малыш» 1987